ПОД ПАРУСОМ ПАМЯТИ

О новой поэме Расула Гамзатова

НОВАЯ ПОЭМА Расула Гамзатова называется «Остров Женщин».* Читателю известно, что один из основных и упорных мотивов поэта — преклонение перед Женщиной, перед Матерью. Само название невольно настраивает на встречу с чем-то нежным, волшебным, возвышенным. В этом названии есть что-то античное. Но и подзаголовок, определение жанра — «Поэма-странствие» очень важны. Поэт пускается в путешествие в поисках реально существующего в западном полушарии острова. В деловую современную поездку и в путешествие души. И еще одновременно начинается путешествие-воспоминание, путешествие-исследование.

Дело в том, что остров, столь привлекающий поэта, расположен где-то у мексиканских берегов. Таким образом, весьма кратковременный и комфортабельный полет на современном лайнере происходит как бы над тяжелым и долгим путем Колумба, над его парусной армией. Да и с самим Адмиралом Моря-Океана (такой титул носил Колумб) все обстоит не так просто. С одной стороны, это великий мореплаватель и открыватель новых земель, с другой — жестокий завоеватель во славу

испанского трона. Представ перед монаршим двором, «рисует он словесные портреты земель, никем не тронутых куда». Заметим, что очень многое заключено в этом внешнем, почти криминалистическом термине.

Итак, Колумб завоевал далекие земли и привез в Европу в числе прочих трофеев живые экспонаты — пленных индейцев. А затем началось последующее разграбление неведомых стран. И тут поэт включает сильную публицистическую ноту:

Скорбящие индейские селенья,
Предшественники Лидице,
Хатыни.
Здесь кактусы торчат
вокруг вигвамов,
Как ржавая колючка
лагерей.

Средневековые и современность в поэме беспрерывно пересекаются или движутся параллельно.

Поэт, прибывающий в Мексику, сразу как бы предьявляет свою визитную карточку сердечности и доброжелательства:

Я, Расул, побывавший всюду,
С каждой песней земной
в родстве...

и далее:

Я рыцарь без кольчуги
и забрала,
Защитник всех на свете
матерей...

Живописно и изящно изображен прилет в Мексику, многочисленные подробности быта и культуры ее народа. И отчетли-

вой сияющей нитью проходит сквозная тема — сходство Мексики и Кавказа, воплощенная иногда со столь свойственным Гамзатову лукавым юмором. Вот он говорит о микрофоне, приближенном к его губам репортером:

Так на шамгуре
щедрую закуску
Нам подают, подносят
полный рог.

Или — уже серьезно — он сравнивает Мексику с Кахетией и, конечно, прежде всего видит перед глазами дорогой Дагестан:

Где б ни был я, он всех
на свете ближе,
Он мне во всем
сопутствует всегда,

И если я ного-нибудь обижу,
Я оскорблю родной
аул Чада.

Это постоянно присущая Гамзатову, выраженная по-своему тема интернационализма.

В ткань поэмы, как в раскованный разговор, включены воспоминания о встречах с Нерудой, Кастро, Че Геварой, о своем великом земляке Махмуде. Литературные ассоциации. Нити искусства. И, конечно, жизни.

Преклонение перед женщиной, перед «весенним садом» их лиц. Ведь мы беспрерывно помним название поэмы и задачу — поиск автора.

А дальше? Дальше — женщины земные, Безвестные, чьим пленником я был

В селеньях горных, а потом
в России.
Я ни одну из них
не позабыл.

«Начальных увлечений алфавит!» — с благодарным восхищением восклицает поэт. И, вспоминая прекрасных женщин земли и свою единственную любимую, он силой собственной власти поэта учреждает Республику Любви, которая «обширней, чем империя иная».

Не знают здесь ни таннов,
ни орудий,
Здесь навсегда запрещены
бои.

Здесь только от любви
страдают люди,
Все раны тоже только
от любви.

Да, «раны... от любви» могут быть жестокими, даже незаживающими, но поэт воспевает и их, — он против других ран, страшных, телесных, нанесенных войной. В созданной счастливой фантазией и вдохновением поэта Республике Любви —

...Льетса серенада,
В ней нет воды, в ней
светится роса,

А если выносить решенье
надо,
В расчет берут и птичий
голоса.

На губах поэта и читателя еще видна улыбка, но мы воспринимаем уже почти всерьез глубоко поэтические, человеческие строки. Они дороги нам и потому, что перекликаются с тем, что нам дорого изначально: Республика, где каждый житель молод,

Республика, чей облик
сердцу мил.
На знамени ее, как серп
и молот,
Влюбленных руки
я соединил,
Любой беды, любой стихии
натиск
Такой союз надежно отразит.
«Влюбленные всех стран,
соединитесь!» —
Девиз моей республики
гласит.

Нет, это еще не Остров Женщин. Это то, что воздвигнуто лишь в воображении поэта.

А в реальности? Программа пребывания делегации окончена, и поэт просит хозяев доставить его на долгожданный остров.

Старый индеец-гид, сопровождающий автора по морским водам в лодке, а затем по острову, — символическая фигура, как бы воплощающая бессмертие Истории, ее голос, глас народа. «Прошли тысячелетия с тех пор, как я родился на земле... Индеец рассказывает о тяжелой, подневольной судьбе своего народа, яркого и самобытного.

Теперь техасские миллионеры
Или музеи дымного Чикаго

Всем тем, что племя наше создавало,
Пополнили коллекции свои.

Так в Лондоне, в Париже, в Лиссабоне
Встречаешься то с фризом Парфенона,
То с древнеиндийской гробницей,

То с расписными масками Анголы.

То с росношью персидского ковра.

Ну, а что же сам остров, куда наконец попадает поэт? Мы сталкиваемся с характерным для художественного творчества несовпадением предвос-

хищенных картин и действительности. Действительности суровой и горькой. Да, это Остров Женщин. Ярко и афористично описана гибель мужчин острова, рыбаков, вышедших в океан.

За лодной лодна шла
на дно морское,
Трещали снасти,
расползался невод,
И те, что прежде рыбу
добывали,
Тонули, становясь
добычей рыб.

Остров Женщин оказался Островом Бед, островом горя, домом без мужчин. «О вымысел неподтвержденный мой», — с горечью восклицает поэт. И тут же его боль, его память летят в далекие родные края:

Я вспоминаю маму
в черной шали,
Ее глаза бедой обожжены.
Источ ее пожизненной
печали —
Два сына, не вернувшихся
с войны.

И мы словно слышим шмящую песню Р. Гамзатова и Я. Френкеля «Журавли». Ее мотив как бы вплетается в эту поэму.

Такова новая, серьезная и талантливая поэма Расула Гамзатова, написанная широко, свободно, естественно.

Следует отдать дань и высокому мастерству переводца, выполненного Яковом Хелемским.

...Окончилась дорога, завершено повествование, и поэт, глядя вдаль, говорит сурово и твердо:

Не стихает моя тревога,
Но надежда моя жива.

Эта нота оказывается главной в новой поэме Расула Гамзатова.

Константин ВАНШЕНКИН.

31 МАР 1981